

К. А. Филиппов
(СПбГУ)¹

**ЛЕЙБНИЦ — ВОЛЬФ —
ГОТТШЕД — ЛОМОНОСОВ:
(к вопросу о грамматических
теориях XVIII века)**

Ключевые слова: Европейское Просвещение, историко-грамматический дискурс XVIII века, Лейбниц, Вольф, Готтшед, Ломоносов, грамматика, риторика, немецкий язык, русский язык, язык науки.

Влияние европейских научных тенденций на научное творчество Ломоносова, в частности, немецких ученых-просветителей Лейбница, Вольфа, Готтшеда, требует вовлечения в научное рассмотрение ряда историко-культурных фактов, источниковедческих находок, новых филологических исследований. В XVIII веке ученые-просветители сталкивались с похожими проблемами: позиции латыни как языка науки и образования, еще недавно казавшиеся незаменимыми (в Германии), начинают подвергаться напору со стороны немецкого языка, а русскому языку в России приходится завоевывать свои позиции в науке и образовании в борьбе не только с латынью, но и с немецким языком, определявшим формирование и развитие российской академической науки XVIII века.

Четыре имени, вынесенные в заглавие главы, — это выдающиеся ученые Германии и России, оказавшие самое непосредственное влияние на развитие немецкой и российской науки и культуры. Порядок следования имен никого не должен вводить в заблуждение: этот перечень всего лишь отражает хронологическую последовательность появления замечательных ученых-просветителей на европейском научном небосклоне: Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), Христиан Вольф (1679–1754), Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766), Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765).

---

¹ Константин Анатольевич Филиппов, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тем не менее в приведенном выше перечне великих представителей раннего немецкого Просвещения, предпосланном имени нашего великого соотечественника, скрывается дополнительный смысл. Незримую связь этих трех замечательных имен немецких ученых с именем Михаила Васильевича Ломоносова лучше всего иллюстрирует мысль Исаака Ньютона, давно ставшая афоризмом:

«Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» (Энциклопедия афоризмов 2007: 758).

Научные идеи немецкого Просвещения, несомненно, были близки М. В. Ломоносову, а в творчестве нашего замечательно-го соотечественника можно заметить черты европейского научного дискурса XVIII века, яркими представителями которого выступают три вышеназванных немецких ученых.

Идеи просвещения оказали заметное влияние на исследования в области грамматики. При этом под грамматикой в этом случае понимается дисциплина, традиционно причисляемая к так называемым семи свободным искусствам. Как известно, вплоть до XVIII века грамматика рассматривалась в ее связи с риторикой и другими науками, которые вместе составляли «семь свободных искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Вот как определяет грамматику Исидор Севильский в своем трактате «Этимологии»:

«Грамматика есть знание, как правильно говорить; это начало и основание свободного письма» (Исидор Севильский 2006: 12).

И далее:

«Риторика же связана с искусством грамматики. Ведь в грамматике мы учимся науке правильно говорить, а в риторике мы действительно постигаем, каким образом будем выражать те вещи, которым научились» (Исидор Севильский 2006: 67).

При обращении к грамматическим идеям М. В. Ломоносова, приходится затрагивать вопросы, как общего, так и частного порядка, т. е. говорить об отношении великого ученого к языку как феномену в целом, о роли русского языка в общественной жизни России XVIII века, о формировании научного стиля русской речи. По выразительным словам М. М. Бахтина, эпоха Просвещения — это «эпоха могучего пробуждения чувства времени», это исторический период, когда «плуг времени» взрыхляет «неподвижный мир предшествующих эпох», когда «противоречия современности, утрачивая свой абсолютный, богом данный, вечный характер, раскрывают в современности историческую разновременность — пережитки прошлого и зачатки, тенденции будущего» (Бахтин 1979: 217).

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — один из самых значительных ученых Европы, философ, математик, юрист, дипломат, «последний универсальный ученый Германии», как называют его в библиографических справочниках. Приверженность идеям просвещения показывает известная мысль Г. В. Лейбница:

«Wir sind um so freier, je mehr wir der Vernunft gemäß handeln, und um so mehr geknechtet, je mehr wir uns von der Leidenschaft regieren lassen»².

Важнейшие научные достижения Лейбница: независимо от Ньютона, он создал математический анализ — дифференциальное и интегральное исчисление; обосновал комбинаторику как науку; только он во всей истории математики одинаково свободно работал как с непрерывным, так и с дискретным. Лейбниц задолго до Зигмунда Фрейда привел доказательства существования подсознания человека. Ему принадлежат

---

² «Мы тем свободнее, чем больше поступаем сообразно рас- судку, и тем больше поработены, чем больше поддаемся страстям» (Энциклопедия афоризмов 2007: 7).

многочисленные чисто прикладные проекты (от создания арифмометра до проекта подводной лодки).

В области немецкого языка известны работы Лейбница: «Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben» (1683, gedruckt 1846), «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutsche Sprache» (um 1697, gedruckt 1717). Именно в последней работе содержится его знаменитая метафора «Язык есть зеркало разума»: «Es ist bekandt, daß **die Sprach ein Spiegel des Verstandes**, und daß die Völcker, wenn Sie den Verstand hoch schwingen, auch zugleich die Sprache wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeige» (Pietsch 1908: 327).

Христиан Вольф (1679–1754) — одна из наиболее влиятельных фигур в немецкой науке XVIII в. Современники видели в нем идейного продолжателя Вильгельма Лейбница. Стремление подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления прослеживается в самом названии многих произведений Христиана Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (Vernünfftige Gedanken):

- ◆ Vernünfftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntniß der Wahrheit (1713);
- ◆ Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt (1718)
- ◆ Vernünfftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zur Beförderung ihrer Glückseligkeit (1720)

Именно Христиан фон Вольф, почетный член Петербургской Академии наук (1725), стал научным наставником Ломоносова во время его пребывания в Германии (1736–1740 гг.) В университете г. Марбурга Христиан Вольф в зимнем семестре 1736/37 года читал публичные лекции по оптике, частным образом читал лекции по политике, в то же самое время он продолжил чтение своего курса по математике. Кроме того, Вольф

учил студентов также алгебре и метафизике. Успешный ученый и прилежный учитель, Христиан Вольф продолжал свои занятия с учениками даже на каникулах. С русскими студентами М. В. Ломоносовым, Густавом Рейзером и Д. И. Виноградовым он занимался отдельно. Под руководством Вольфа Ломоносов написал свою диссертацию по теоретической физике. Глубокое уважение М. В. Ломоносова к своему научному наставнику проявилось, например, в том, что Ломоносов при жизни Вольфа не вступал в научную полемику с немецким ученым, хотя их взгляды на многие проблемы весьма изменились.

Христиан Вольф подобно другим немецким просветителям ярко высказывался о роли немецкого языка в просвещении немецкого общества и развитии немецкой науки. В 1726 году Вольф представил собственное описание своих философских трудов, вышедших на немецком языке («Ausführliche Nachricht des Autoris von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben»). В § 14 второй главы он пишет:

«Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich zu dem Ende geschrieben, damit sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten. Denn es gieng mit mir wie andern Professoribus, daß meine Discurse unrecht nachgeschrieben worden, so daß öfffters entweder gar kein Verstand herauskam, öfffters aber ein Verstand, der meinem Sinne gantz entgegen stund»³ (Wolff 1733: 23).

Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766) — крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения —

---

³ «Философские тексты на немецком языке я написал на тот случай, чтобы мои слушатели могли бы пользоваться ими на занятиях. Потому что со мной, как и с другими профессорами, случалось так, что мои лекции (речи) конспектировались неправильно, так что часто в них или не было видно никакого смысла, или же часто был смысл, совсем противоположный моему пониманию» — *перевод автора*.

был признанным последователем Лейбница и Вольфа. Своим преподаванием и литературно-журналистской деятельностью Готтшед содействовал развитию немецкой литературы, театра и риторики. Готтшед — один из создателей немецкого просветительского классицизма. Его художественное мировоззрение носило рационалистический характер, в поэзии и литературе наибольшее значение он придавал поучительности. Его девизом были ясность, простота, правдоподобие.

Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», которая вышла в свет в 1748 году и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия (Götttert 2010: 215). Его слова:

«Die Wörter einer jeden Sprache sind die Zeichen der Gedanken»⁴
(Gottsched 1752: 193)

отражают общую рационалистическую направленность его научного творчества.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) не нуждается в подробной характеристике. Его уникальный талант проявил себя в самых различных научных сферах. Остановимся только на некоторых моментах его деятельности в области теории языка с учетом научного творчества Лейбница, Вольфа и Готтшеда, т. е. трех немецких ученых, оказавших влияние на формирование его научной позиции.

Несомненно, наиболее полно взгляды М. В. Ломоносова на роль русского языка в развитии науки и культуры России представлены в его «Российской грамматике», которая впервые увидела свет в 1757 году. В предисловии к этому произведению автор сам определил назначение грамматики:

«Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без

---

⁴ «Слова любого языка — это знаки мыслей» — перевод автора.

грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (АПСС 7, 392).

Кроме того, в «Российской грамматике» (подобно Лейбницу, Вольфу и Готтшеду) Ломоносов говорит о роли разума — «правителе наших действий»:

«По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей» (АПСС 7, 394).

М. В. Ломоносов был хорошо знаком с основными тенденциями европейского научного дискурса, пронизанного идеями эпохи Просвещения. Приведем всего лишь один пример: в Предисловии к «Волфианской экспериментальной физике» (1746) Ломоносов выступал против научного догматизма. Он видел в научной полемике «дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению»:

«Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» (АПСС 1, 423).

Среди современных ученых он первым называет Лейбница, словно отдавая ему «первенство среди равных»:

«Лейбниц, Кларк, Лок, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили. Малпигий, Боил, Герик, Чирнгаузен, Штурм и другие, которые в сей книжце упоминаются, любопытным и рачительным исследованием нечаянные в натуре действия открыли и теми свет привели в удивление» (АПСС 1, 424).

Самое серьезное влияние на просветительские воззрения М. В. Ломоносова оказали Вольф и Готтшед. Например, в «Проекте регламента Московских гимназий» 1755 года, отражающем учебно-научные предпочтения М. В. Ломоносова, в главе под названием «О книгах, по которым обучать в школах» Ломоносов прямо называет авторов, на трудах которых необходимо строить школьное образование в России:

«§ 54. В школе первых оснований нужнейших наук, в первом и во втором классе употреблять из Волфова сокращения „Арифметику“ и „Геометрию“ (которые нарочно с немецкого перевести и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке» (АПСС 9, 459);

ср. также

«§ 55. Немецкому языку учить по „Грамматике“ Готтшедовой и по «Разговорам немецким», печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других» (АПСС 9, 459).

Как мы видим, в практических действиях М. В. Ломоносова по формированию системы образования в России прослеживаются его предпочтения, сформированные во время его пребывания за границей.

В своих трудах по немецкой грамматике Лейбниц, Вольф и Готтшед обращали внимание на разные «качества» немецкого языка: **Лейбниц**: зеркало разума (*ein Spiegel des Verstandes*), богатство (*Reichthum*), изобилие (*Überfluss*), выразительный (*nachdrücklich*), крепкий (*kräftig*); **Вольф**: понятный (*verständlich*), не бедный (*nicht so arm*), внятность, понятность (*Deutlichkeit*), крепкий (*kräftig*); **Готтшед**: богатство и изобилие (*Reichthum und Überfluß*, как у Лейбница), понятность (*Deutlichkeit*, как у Вольфа), краткость (*Kürze*), выразительность (*Nachdruck*, ср. *nachdrücklich* у Лейбница). Отдельного упоминания заслуживает

убежденность Вольфа в возможности и необходимости использования родного языка в науке:

«Ich habe gefunden, daß unsere Sprache zu Wissenschaften sich besser schickt als die Lateinische»⁵ (Wolff 1733: 27).

Сравним приведенные выше характеристики языка с оценкой, которую дал русскому языку М. В. Ломоносов. Наиболее ярко он выразился по этому поводу в предисловии к «Российской грамматике»:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» (АПСС 7, 391).

Эти слова прекрасно соотносятся с приведенными выше словами Лейбница, Вольфа и Готтшеда о немецком языке. Но чтобы усилить это впечатление, обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики», выполненному академическим архивариусом Иоганном Лоренцом Стафенгагеном под «смотрением» самого М. В. Ломоносова. «Rußische Grammatick» вышла в свет в 1764 году.

Сравним, как звучат фрагменты приведенного выше отрывка из Предисловия на русском языке: «...ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, *крепость* немецкого, нежность италиянского, сверх того *богатство* и *сильную* в изображениях *краткость* греческого и латинского языка»;

---

⁵ «Я обнаружил, что наш язык много более подходит наукам, чем латынь» — перевод автора.

на немецком языке: «Denn in dieser würde er das Erhabene des Spanischen, die Lebhaftigkeit des Französischen, die Zärtlichkeit des Italienischen, die *Kraft* des Deutschen, und überdem auch die *Reichthum* und die so *nachdrückliche Kürze* des Griechischen und Lateinischen angetroffen haben» (Rußische Grammatick, 1764: Vorrede).

И здесь снова мы встречаем слова *Reichthum*, *Kürze*, *deutlich* и *nachdrücklich*, как у Лейбница, Вольфа и Готтшеда.

Наконец, последняя цитата из Предисловия с «Российской грамматике» на русском и немецком языках, которая словно символизирует связь между Просвещением в России и Германии:

«Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих ображениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи» (АПСС 7, 392).

Ср.

«Die feinsten Philosophischen Begriffe und Erklärungen, die so mannigfaltigen natürlichen Eigenschafften und Veränderungen in unserm sichtbaren Weltgebäude und dem gesellschaftlichen Leben finden durchgehends in unserer Sprache Ausdrücke, welche die Sachen deutlich und genau bestimmen» (Rußische Grammatick, 1764: Vorrede).

Завершим главу кратким замечанием, на основании которого можно составить прогноз дальнейших путей в изучении предметности идей и формул научного европейского дискурса XVIII века. В первом параграфе трактата «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744 год) М. В. Ломоносов дает определение риторике, отличающееся от дефиниции, представленной в «Кратком руководстве к красноречию» (1748 год), а именно: «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речью представлять и пристойными словами

изображать **на такой конец, чтобы** <выделено нами. — К. Ф.> слушателей и читателей о справедливости ее удовлетворить. Кто в сей науке искусен, называется ритор» (АПСС 7, 23). Обратим внимание на конструкцию, не характерную для языка Ломоносова «...на такой конец, чтобы...». Анализ электронного корпуса текстов показывает, что в текстах Ломоносова эта конструкция употребляется только один раз и только в этой (!) фразе. Объяснение этому факту находим в трудах Христиана фон Вольфа, который в 1726 году пишет:

«Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich **zu dem Ende** geschrieben, **damit** sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten» (Wolff 1733: 23).

В подтверждении употребительности формулы **zu dem Ende, damit** в официальном языке Германии укажем на «Баварский кодекс» 1753 года (Codex Juris Bavarici Judiciarii de anno 1753), в котором такая конструкция встречается не один раз, например:

«Falls auch die Partheyen sich vor der Obrigkeit unterer Instanz oder extrajudicialiter vergleichen, während daß die Causa bey der höheren Instanz anhängig ist, so soll man dieser **zu dem Ende, damit** sie nicht weiter hierhin verfare, schleunige Nachricht davon ertheilen» (Баварский кодекс 1753).

Таким образом, грамматические идеи М. В. Ломоносова затрагивают вопросы как общего, так и частного порядка, что свидетельствует об отношении великого ученого к языку как феномену в целом, о роли русского языка в общественной жизни России XVIII века, о формировании научного стиля русской речи, и, конечно, о достижениях Ломоносова в изучении грамматического строя языка. Влияние европейских научных тенденций на научное творчество Ломоносова, в частности, немецких ученых-просветителей Лейбница, Вольфа, Готтшеда требует вовлечения в научное рассмотрение ряда

историко-культурных фактов, источниковедческих разысканий, новых филологических исследований. Эта работа тем более интересна и актуальна, что в рассматриваемый период времени немецкие и российские ученые сталкивались с похожими проблемами. В Германии позиции латыни как языка науки и образования, еще недавно казавшиеся незыблемыми, начинают подвергаться напору со стороны немецкого языка, а в России русскому языку приходится завоевывать свои позиции в науке и образовании в борьбе не только с латынью, но и — парадокс! — с немецким языком, определявшим формирование и развитие российской академической науки XVIII века.

K. Filippov. Leibnitz — Wolff — Gottsched — Lomonosov: Grammar Theories of the 18th Century Revisited.

Studying the influence of various European scientific tendencies, particularly of German Enlightenment, which is associated with Leibnitz, Wolff, Gottsched, etc., on Mikhail Lomonosov's works, is impossible without considering numerous facts of history and culture, as well as results of source and philological studies. During the 18th century scholars of the Enlightenment were facing similar problems: Latin, which had been commonly used as a language of science and education in Germany, was losing ground, while German was gaining popularity; at the same time, the Russian language in Russia was competing for the status of language of science and education with Latin as well as German, the latter determining the formation and development of Russian academic science throughout the 18th century.